

УДК 821.11

ПРОБЛЕМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В ПОВЕСТИ Н. ГЕЙМАНА «КОРАЛИНА»

А. И. ФЁДОРОВА

(Представлено: А. И. МОЗГО)

Рассматривается проблема отцов и детей в повести Нила Геймана «Коралина». Исследуется образ Коралины, отношение к ней через противопоставление двух миров.

Нил Ричард Маккиннон Гейман – английский писатель художественной литературы, комиксов, графических романов, а также сценарист фильмов. Н. Гейман знаменит благодаря таким своим работам, как серия комиксов «Песочный человек» (*The Sandman*, 1989–1996), роман «Американские боги» (*American Gods*, 2001) и повести «Коралина» (*Coraline*, 2002).

«Коралина» – это детская новелла, которая была написана в 2002 году. «Новелла – это вымышленный рассказ в прозе, промежуточный по длине и сложности между рассказом и романом и обычно концентрирующийся на одном событии или цепочке событий с неожиданным поворотным моментом»²¹¹ [1] (*Здесь перевод наш – А.И.*).

Сюжет произведения строится вокруг девочки Коралины и двух пар родителей – настоящих и других. Из-за недостатка внимания со стороны своих настоящих родителей, девочка находит проход в другой мир, где встречает чрезмерно заботливых и внимательных других родителей: они выглядят также, как и настоящие, кроме одной детали – вместо глаз у них чёрные пуговицы. Другая мама предлагает Коралине остаться с одним условием – пришить ей такие же пуговицы вместо глаз. Девочка пугается, однако ей удаётся обхитрить другую маму и попасть к своим настоящим родителям, при этом закрыв дверь, которая ведёт в другой мир. Единственная проблема, которая остаётся – это рука другой мамы. Она появилась в настоящем мире и хочет заполучить ключи, но девочка придумывает план, и рука вместе с ключом проваливается в колодезь, который Коралина накрывает, чтобы никто из него не выбрался.

Проблема отцов и детей, также называемая разрывом поколений, – это вечная проблема, встречающаяся не только на страницах зарубежной или отечественной литературы, но также и в реальной жизни. Если в общепринятом смысле проблема отцов и детей – это некая борьба поколений, то в Коралине всё строится немного другим образом: девочке не хватало внимания от родителей, которые были постоянно заняты работой, она не видела, что они любят её, поэтому попыталась найти то, что ей не хватало в другом мире: «Мама с папой оба делали что-то на компьютерах, а это значило, что они много времени проводили дома. У каждого из них был отдельный кабинет»²¹² [4].

Главная причина конфликта – непонимание. Дети не могут понять родителей, а родители чаще всего не понимают, что они делают не так. Для маленькой Коралины непонятно, почему родители постоянно проводят время за компьютерами, совершенно не уделяя ей внимание, поэтому, попадая в другой мир к другой маме, первое время ей нравится там намного больше: с ней общаются, развлекают, это не тот скучный и серый мир, в котором она привыкла жить: «Думаю, да, – ответила Коралина. – Здесь гораздо интереснее, чем дома»²¹³ [4]. Хотя сам мир совершенно ничем не отличается от настоящего мира, это художественно подчеркивается графически в тексте: «THE HOUSE LOOKED EXACTLY the same from the outside»²¹⁴ [2]. В русскоязычном переводе не сохранились графические обозначения, использованные Нилом Гейманом в начале каждой главы. Не только диалоги и оживлённые описания действий делают тот мир лучше, чем настоящий, но и описание обстановки другой комнаты Коралины: «Здесь была куча замечательных вещей, которых она не видела раньше: ангелы над кроватью, порхающие как стайка пугливых воробьев; книжки с картинками, ползающие повсюду, шелестящие и изгибающиеся; уменьшенные черепа динозавров, которые щелкали зубами, когда она проходила мимо. Ящик был доверху наполнен превосходными игрушками»²¹⁵ [2]. Комната заполнена игрушками, но эпитеты, которые используются автором, не подходят для описания привычной детской спальни. Ангелы сравниваются с стайкой испуганных воробьев; картинки с книжкой ползают и корчатся; также вместо игрушек описываются черепа динозавров.

²¹¹ «Novella is a fictional tale in prose, intermediate in length and complexity between a short story and a novel, and usually concentrating on a single event or chain of events, with a surprising turning point» [1].

²¹² «Both of her parents worked, doing things on computers, which meant that they were home a lot of the time. Each of them had their own study» [2].

²¹³ «I suppose,» said Coraline. «It's much more interesting than at home»» [2].

²¹⁴ «Снаружи дом совсем не изменился» [4].

²¹⁵ «There were all sorts of remarkable things in there she'd never seen before: windup angels that fluttered around the bedroom like startled sparrows; books with pictures that writhed and crawled and shimmered; little dinosaur skulls that chattered their teeth as she passed. A whole toy box filled with wonderful toys» [4].

В настоящем мире нет такого, девочка не знает, чем себя занять, когда, например, в начале её не выпускают из дома из-за дождя: «но не проходило ни одного дня, чтобы она не отправлялась на разведку, пока однажды не полил дождь, и ей пришлось остаться дома. «Ну, и что мне делать?» – спросила Коралина»²¹⁶ [2].

На этом контрасте и строится весь конфликт: другой мир намного ярче и насыщенный по действиям, наполнен, однако настоящий мир ничуть не хуже: родители Коралины любят её, хоть никогда не говорят об этом, и проводят меньше времени с ней, чем другая мама. На протяжении всего повествования встречаются незначительные ремарки о том, что делают родители Коралины: отец готовит ужин, с некоторыми изысками, но девочка даже не пытается попробовать то, что сделал её папа: «– Ты же знаешь, я не люблю домашнюю еду! – пожаловалась она папе, пока ужин вращался в печке, а крохотные красные циферки вели обратный отсчет до нуля. «Ты даже не пробовала, может, понравилось бы» – заметил папа, но Коралина упрямо затрясла головой»²¹⁷ [4].

В противовес этому показывается то, как девочка набрасывается на еду в другом мире: «Они уселись за кухонный стол и другая мама подала обед. Огромного коричнево-золотистого цыпленка, жареную картошку и мелкий зеленый горошек. Коралина жадно набросилась на еду. Все было чрезвычайно вкусным»²¹⁸ [4]; «Когда готовил папа, он покупал настоящих цыплят, но всякий раз вытворял с ними странные вещи, например, варил в вине, начинял черносливом или запекал в тесте, и Коралина всегда принципиально отказывалась прикасаться к его стряпне»²¹⁹ [4]. И дело не в том, что готовил папа и что другая мама. Дело в отношении самой Коралины: она не видит проявлений любви в словах, из-за чего ей кажется, что если она будет относиться с пренебрежением к еде отца, то родители заметят, что что-то делают не так, что ей нужна поддержка и слова любви. Это видно по подобранным словам, она отказывалась притрагиваться к еде из принципа (*on principle*). В реальности родители всё больше и больше отстранялись от дочки, возможно, не видя смысла в том, чтобы стараться как-то угодить девочке, если ей не нравится то, над чем они стараются.

При этом настоящая мама выполняет привычные обязанности родителей: следит, чтобы девочка не ходила на улицу в дождь, надевала теплые вещи, а также, чтобы были вещи в школу, даже хвалит её за непонятные рисунки. Но для Коралины этого мало, но это тоже в некоторой степени проявление любви, только той, на которую способна мама. Мама использует различные ласковые прозвища: солнышко, дорогая, милая и т.д., что также говорит о теплом отношении к своей дочери. А девочка называет родителей уменьшительно-ласкательно: «Ты знаешь, где мой папа с мамой?»²²⁰ [4]. В это же время другую маму девочка называет не используя ласкательные суффиксы, она вообще никак её не называет.

В противопоставление в повести показывается момент, где другой папа не может сопротивляться другой маме и поэтому кидается на Коралину, чтобы оставить её в другом мире навсегда: «– Беги, дитя. Уходи из этого места. Она хочет, чтобы я причинил тебе вред, чтобы навсегда запер тебя здесь; тогда ты не сможешь закончить игру, и она выиграет. Она приказывает – я не могу сопротивляться...»²²¹ [4].

Ещё один значимый момент в повести – это рассказ Коралины о прогулке с отцом, когда их покусили осы: «И сказал, что ни капли не боялся, когда стоял там, и его жалили осы, а он смотрел, как я убегаю. Потому как знал, что должен выиграть время, чтобы я успела убежать, – иначе осы могли бы погнаться за нами обоими»²²² [2]. Коралина рассказывая это, наконец, начинает понимать, что родители любят её, и если вдруг она окажется в опасности, то они защитят её и не дадут в обиду.

В противовес маленьким и где-то незначительным упоминаниям о своеобразных проявлениях любви у настоящих родителей, описывается проявление «любви» у других родителей: они улыбки, говорят, что ждали и очень хотят, чтобы она осталась. В это же время любое неповиновение девочки у другой мамы воспринимается остро: «Однако взглянув в лицо другой мамы, она заметила перекосившую его вспышку ярости, мгновенную как летняя молния»²²³ [4]. При описании настоящих родителей, Н. Гейман не использует слова ярость, гнев, они относятся с пониманием к дочери и её проявлением харак-

²¹⁶ «...but go out she did, exploring, every day until the day it rained, when Coraline had to stay inside. “What should I do?” asked Coraline» [4].

²¹⁷ “You know I don’t like recipes,” she told her father, while her dinner went around and around and the little red numbers on the microwave oven counted down to zero. “If you tried it, maybe you’d like it,” said Coraline’s father, but she shook her head” [2].

²¹⁸ «He got up and went with her into the kitchen. They sat at the kitchen table, and Coraline’s other mother brought them lunch. A huge, golden-brown roasted chicken, fried potatoes, tiny green peas. Coraline shoved the food into her mouth. It tasted wonderful» [2].

²¹⁹ «When Coraline’s father cooked chicken he bought real chicken, but he did strange things to it, like stewing it in wine, or stuffing it with prunes, or baking it in pastry, and Coraline would always refuse to touch it on principle ». [2]

²²⁰ «Do you know where Mummy and Daddy are?» [2]

²²¹ «“Run, child. Leave this place. She wants me to hurt you, to keep you here forever, so that you can never finish the game and she will win. She is pushing me so hard to hurt you. I cannot fight her”» [2].

²²² «He said that he wasn’t scared when he was standing there and the wasps were stinging him and hurting him and he was watching me run away. Because he knew he had to give me enough time to run, or the wasps would have come after both of us» [2].

²²³ «Then she looked up and saw the expression on her other mother’s face: a flash of real anger, which crossed her face like summer lightning» [2].

тера. Даже когда Коралина отказывается от очередного кулинарного творения отца, он не выражает гнев, а лишь позволяет девочке съесть полуфабрикат. При этом другая мама не стесняется в своих высказываниях, когда что-то идёт не по тому лану, который она наметила у себя в голове: «Неблагодарность дочери хуже змеиного яда»²²⁴ [2]. Другая мама запирает девочку в темноте, якобы для перевоспитания, но скорее для того, чтобы сломать её волю, все эти ужасные действия приправлены словами о любящей матери, манерах и недостойном поведении Коралины, некоего рода манипуляция, чтобы девочка засомневалась в себе и своих доводах и чувствах.

Весь параллелизм ситуации, некое зазеркалье, также показывается и графически. Например, фраза, когда родители просили спасти их написана будто отзеркалено: «*SU PLEH*» [2]. Поэтому здесь Н.Гейман использует аллюзию на известное произведение Льюиса Кэрролла (*Charles Lutwidge Dodgson, 1832–1898*) «Алиса в Зазеркалье» (*Through the Looking-Glass, and What Alice Found There, 1871*). Там также девочка убежала в выдуманный мир, чтобы сбежать из той эпохи, как некий протест. Коралина же сбегает от безысходности.

В конце повести звучит фраза, описывающая любовь другой мамы: «Это было правдой: другая мама на самом деле ее любила. Она любила Коралину той любовью, которой скупердяй любит свои деньги, или дракон – свое золото. Коралина знала, что пуговичные глаза матери смотрят на нее, как на собственность, не больше. Как на докучающее домашнее животное, чье поведение больше не забавляет хозяина»²²⁵ [4]. В этом и отличие настоящих родителей от других: настоящие любят девочку как свою дочь, они уживаются с её капризами, заботятся, могут что-то объяснить и пояснить; в то же время другая мама рассматривала Коралину как домашнее животное, неповиновение которого означает не личность, которая растёт и имеет собственное мнение, а именно неправильные манеры и воспитание, которого надо переучить, наказать, чтобы боялась и слушалась.

Коралине действительно не хватало похвалы, настоящей похвалы от родителей, на это указывают строки в произведении: «А затем голос, в точности как мамин, – настоящий, великолепнейший, яростный, неистовый и блистательный мамин голос – сказал только «Отличная работа, Коралайн!» И этого было достаточно»²²⁶ [4]. Благодаря этим словам девочка смогла закрыть дверь и спастись от другой матери, всего лишь похвала и голос настоящей мамы дал ей столько сил, сколько в ней не было.

После того, как Коралина вернулась домой, она обращалась с родителями ласково: обнимала, целовала, что отразилось и на поведении её родителей: «– Отлично! – сказал папа, выключил компьютер, встал и без всякой на то причины подхватил Коралайн на руки, чего уже очень давно не делал – с тех самых пор, как начал внушать дочери, что она слишком взрослая для таскания на руках, – и отнес на кухню»²²⁷ [4]. В данных отрывках использована лексика, которая показывает всё отношение родителей и самой девочки к ней.

Таким образом, проблема отцов и детей, что описывается в повести Н.Геймана, раскрывает через образ Коралины методами контраста и параллелизма. Нил Гейман описывает два мира, которые, с одной стороны, выглядят одинаково, но люди, населяющие и один, и другой мир ведут себя совершенно по-разному по отношению к Коралине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Baldick, C. *Novella* / C. Baldick // *The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms*. – 2nd ed. – New York: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2001. – P.174.
2. Gaiman, N. *Coraline* / N. Gaiman. – Bloomsbury (UK) & Harper Collins, 2009. – 146 p.
3. Земцова, О.В. Мир детства в сказках Льюиса Кэрролла и Нила Геймана / О.В. Земцова // Молодость. Интеллект. Инициатива: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов, Витебск, 18 апреля 2019 г. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 171–173.
4. Гейман Н., Коралина: пер. с англ. А.Осипова / Н. Гейман. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 192 с.

²²⁴ «“Sharper than a serpent’s tooth,” she said, “is a daughter’s ingratitude”» [2].

²²⁵ «It was true: the other mother loved her. But she loved Coraline as a miser loves money, or a dragon loves its gold. In the other mother’s button eyes, Coraline knew that she was a possession, nothing more. A tolerated pet, whose behavior was no longer amusing» [2].

²²⁶ : «And then a voice that sounded like her mother’s—her own mother, her real, wonderful, maddening, infuriating, glorious mother—just said, “Well done, Coraline,” and that was enough» [2].

²²⁷ «“Oh good,” he said. «He put the computer to sleep, stood up, and then, for no reason at all, he picked Coraline up, which he had not done for such a long time, not since he had started pointing out to her she was much too old to be carried, and he carried her into the kitchen» [2].